

НАРКЕС ОРАЗБАЕВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА О КАЗАХСТАНЕ

Публицистические статьи русского поэта первой половины XX века Леонида Мартынова (1905–1980) о Казахстане представляют собой многочисленные публикации разных жанров в сибирских газетах и журналах, интересные как с документальной, так и с художественной стороны. В 20-х — начале 30-х гг. Мартынов работал в периодических изданиях Омска (газеты «Рабочий путь», «Сигнал», «Гудок»), Новониколаевска (газета «Советская Сибирь») и других. Значительная часть журналистской деятельности Леонида Мартынова, который в качестве выездного корреспондента часто ездил в Казахстан, насколько нам известно, еще не была исследована. Во время работы в архивах Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского и Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина мы собрали большую часть заметок, путевых очерков о Казахстане, опубликованных в вышеназванных изданиях.

Рассматривая данные статьи, мы выделили основные вопросы, интересовавшие русскую общественность в связи с Казахстаном 20–30-х гг. XX века и включавшие как общественно-политические, так и социально-бытовые аспекты. Целью исследования данной статьи является, в первую очередь, анализ очерков и заметок Леонида Мартынова, отражающих путь освоения русской общественностью пространства Казахстана (преимущественно в путевых очерках), а также положение казахской женщины в обществе и роль поэта в урегулировании некоторых конфликтов. Кроме того, прослеживается синтез документального и ху-

дожественного в его творчестве, а именно способы внедрения фактического материала в художественные тексты, включая автобиографические новеллы.

Художественность — это образное отображение действительности, моделирование ситуации или действительно происшедших или придуманных событий. Публицистичность же выражается прежде всего в присутствии документальности, в пафосе и тенденциозности повествования, в допустимости только домысла, но не вымысла. Конкретный, документальный факт в этих жанрах как бы отходит на задний план, уступая место впечатлению автора от факта, его оценке, авторской мысли¹.

Таким образом, мы обратим внимание на средства, используемые Мартыновым-журналистом в публицистических жанрах и Мартыновым-поэтом — в художественных.

Большая часть публицистических статей Мартынова связана с открытием Туркестано-Сибирской железной дороги, по пути которой он следовал, присылая очерки об этапах постройки дороги и открытых станциях. В данной статье рассмотрим следующие очерки и заметки Мартынова:

28 апреля 1930 года открылось сквозное движение по Турксибу (телеграмма/молния от нашего специального корреспондента) / «Рабочий путь», 30 апреля 1930 года.

Путь открыт. По Турксибу (очерк нашего спецкора) / «Рабочий путь», 16 мая 1930 года.

Станция Баян-Корпеш: первым поездом по Турксибу / «Рабочий путь», 13 мая 1930 года.

Данные публикации представлены в нескольких жанрах: очерки, а именно путевые очерки, телеграммы-молнии, статьи.

Ольга Скибина пишет:

Жанр литературного путешествия развивается в тесной связи с развитием общественной мысли, политической ситуацией и литературным процессом. Путевой очерк по своей природе находится на грани искусства и науки, в нем органически сочетается то, что, казалось бы, лежит на разных полюсах искусства и науки: документы, цифры, статистика, таблицы и художественно-предметный мир автора, включающий в себя на равных все его элементы: портрет, пейзаж, интерьер, а главное, — самого рассказчика (повествователя)².

¹ Н. Кенжегулова, *Художественно-публицистические жанры журналистики*. Электронный курс по журналистике «Массовая коммуникация», http://old.unesco.kz/massmedia/pages/4_3.htm (12.02.2017).

² О. Скибина, *Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века)* // «Теория и история журналистики» 2014, № 4, с. 90.

Как видим, синтез документального и художественного — неотъемлемый элемент путевого очерка.

Для телеграммы-молнии эта особенность не является необходимой — документальное явно преобладает. Телеграмма-молния под названием *28 апреля 1930 года открылось сквозное движение по Турксибу* по стиливым признакам и фактическому содержанию соответствует социально-политическим обстоятельствам, влиявшим на стиль Мартынова в подобных публицистических жанрах. Так написана аннотация к сообщению телеграммы: «Торжественное официальное окончание укладки рельсовой колеи Турксиба вылилось в демонстрацию мощи советской страны, успехов социалистической стройки»³. Таким же образом сформулированы дальнейшие фразы: «Представители Казакского правительства и делегаций в своих выступлениях отмечали великое значение Турксиба в условиях отсталой республики», «Вопреки клеветы буржуазной прессы, иностранцы убедились в мощности советской стройки»⁴.

Даже метафоры, введенные Мартыновым в тексты, направлены на поддержание советского строя: Турксиб — «стальной хребет Казахстана», «первое детище пятилетки».

Использование настоящего времени глаголов в значении прошедшего, характеризующее в основном художественный стиль, повышает важность события и иллюстративность материала: «Раздаются звуки 'Интернационала'. Участники Турксиба вмиг разбрасывают последние шпалы, звенят рельсы, стучат молотки...», «Рапорт окончен. Громкое 'ура' покрывает речь т. Шатова. Рабочие качают тов. Шатова. Собравшиеся на трибунах приветствуют бессменного руководителя постройки первой большой советской магистрали»⁵. Данное явление, называемое *praesens historicum*, «рассматривается как стилистическое, а именно — как средство придания живости прошлым событиям»⁶.

В отличие от телеграмм, путевые очерки в полной степени позволяют Мартынову опозитизировать открытие Туркестано-

³ Л. Мартынов, *28 апреля 1930 года открылось сквозное движение по Турксибу (телеграмма/молния от нашего специального корреспондента)* // «Рабочий путь» от 30 апреля 1930 года.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Д. Пиотровский, *Настоящее время в значении прошедшего: Стилистика или грамматика?*, http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-162-6/978-5-88431-162-6_40.pdf (12.05.2013).

Сибирской магистрали. Первый очерк на эту тему, опубликованный в газете «Рабочий путь» 16 мая 1930 года, называется *Путь открыт. По Турксибу (очерк нашего спецкора)*. Мартынов, всегда стремившийся к слиянию границ между континентами и странами, прошлым и будущим, в полной мере использовал метафорическую гиперболизацию, свойственную и публицистике того времени: «Молния за молнией, молния за молнией летели в Москву, в Омск, в Нью-Йорк, Тифлис, Рим, Новосибирск, Берлин, Лондон», «Гром открытия Турксиба, родившись в никому неведомом Огуз-Окургене, раскатился по всему свету»⁷.

Автор метафорически использовал природную связь между явлениями «молния» и «гром», обозначив сначала отправление телеграмм-молний (включая рассмотренную выше), а затем — «гром», сопровождающий новости. Мартыновым использованы гиперболы как с отрицательной коннотацией («в никому неведомом Огуз-Окургене»), так и с положительной («раскатился по всему свету»), при определении этапов до и после открытия Турксиба.

Из анализа следующего очерка *Станция Баян-Корпеш: первым поездом по Турксибу* видно, что поэт стремится к одушевлению элементов инонационального пространства. Это касается и образов природы, и средств технологии, «противостоящих» естественной природе: «железный путь врезался в сердце степи», «Турксиб [...] призовет к жизни громадные богатства, скрытые в недрах степи»⁸.

Мартынов подкрепляет образность повествования собственными воспоминаниями: «Станция Баян-Корпеш. Я не в первый раз в этом краю. Два года тому назад проезжал я здесь на почтовых из Сергиополя на Балхаш. Тот путь, который поезд делает в пять часов, отнимал тогда двое с половиной суток»⁹. В данных воспоминаниях поэт рассказывает о встрече со старостой на пикете Кзыл-Киз, который «долго и подробно рассказывал нам историю о несчастных влюбленных Козу-Корпеш и Баян-Слу, о любви, разлуке, кознях злодеев и самоубийстве прекрасной 'кыс' (девушка)»¹⁰.

⁷ Л. Мартынов, *Путь открыт. По Турксибу (очерк нашего спецкора)* // «Рабочий путь» от 16 мая 1930 года.

⁸ Л. Мартынов, *Станция Баян-Корпеш: первым поездом по Турксибу* // «Рабочий путь» от 13 мая 1930 года.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Обобщая анализ очерков, отметим, что в путевом очерке «автор путешествия описывает не только увиденное, впечатления, чувства, но и размышляет, делает выводы»¹¹. Выводы, сделанные Мартыновым, связаны с техническим развитием Казахстана, его политической и культурной интеграцией с другими странами, представлением возможных трансформаций, обусловленных изменениями в привычном укладе жизни в степи: «Где степная романтика? Именно здесь! Схематизируя, следует, может быть, объявить, что «Баян Слу», растворенная в потомстве, служит телеграфисткой, а «джигит Корпеш» ездит на паровозе помощником машиниста»¹².

Не менее значимы для русской публицистики и культурно-общественной жизни Казахстана статьи Мартынова о положении казахских женщин в обществе в 20-е гг.

Главная особенность юридического статуса женщины у казахов и киргизов в XIX — начале XX века заключается в том, что он реализовывался в общих рамках трех сосуществующих юридических систем: обычного права, мусульманского и официального, утверждаемого законами Российской Империи¹³.

Под «обычным» правом имеется в виду правовое положение женщины по адату — системе норм в традиционном обществе кочевников, а на замену законов Российской Империи пришло советское законодательство. Выделяются также основные моменты, отступающие от норм шариата и соответствующие адату, что демонстрирует синтез правовых систем в степи того времени:

[...] сохранение в среде кочевников института калыма; [...] отсутствие прав женщины на личную собственность и, следовательно, на семейное имущество и на имущество умершего супруга¹⁴.

Таким образом, статьи Мартынова 20-х гг. XX века описывают именно переломный момент в правовых нормах казахского общества относительно прав женщины на государственную защиту от насилия в семье, на имущество, развод и т.д.

¹¹ Х. Джалилова, *Путешествие в поисках истины* // «Вестник КАСУ» 2006, № 2, с. 173–179, <http://www.vestnik-kafu.info/journal/6/226/> (02.03.2017).

¹² Л. Мартынов, *Станция Баян-Корпеш...*

¹³ Г. Турысбекова, *Сравнительный анализ правового положения женщин по традиционному обычному праву у Киргизов, Узбеков, Кавказских народов*, «Вестник КазНУ. Серия юридическая» 2011, № 1 (57), с. 19–23.

¹⁴ Там же.

Итак, имеющийся у нас список публицистических работ Мартынова о Казахстане представляют статьи, очерки и наброски из омской ежедневной газеты «Рабочий путь» и художественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни», издававшегося в Новосибирске. Данный список представлен в хронологическом порядке, по мере публикации материала:

1) *Степные хулиганы* / «Рабочий путь», 7 декабря 1926 года. Подпись: Эльм.

2) *Бейгайма боится* / «Рабочий путь», 28 января 1927 года. Подпись: Эльм.

3) *Братья Байбатыровы* / «Рабочий путь», 18 февраля 1927 г. Подпись: Эльм.

4) *Почему ополчились киргизки?* / «Рабочий путь», 27 марта 1927 года. Подпись: Эльм.

5) *Бунт желтых жен* / «Сибирские огни», № 6, ноябрь — декабрь 1927. Подпись: Леонид Мартынов.

В первую очередь обращают на себя внимание варианты подписей в статьях Мартынова. Эльм — один из псевдонимов поэта, использовавшийся им, как видим, в 20-х гг. С одной стороны, данный псевдоним отсылает к инициалам поэта — Л.М. С другой — к одному из вариантов имени христианского святого Эразма, покровителя мореплавателей. Мартынов, страстно любивший морскую стихию, конечно, был знаком с легендами о святом, что подтверждает употребление имени Эльм в стихотворении *Корабль*, написанном в 1971 году. Уже использование данного псевдонима дает понять творческую природу Мартынова-журналиста и начинает синтез художественного и документального в его журналистской деятельности.

Первые четыре документа связаны между собой и начинаются со статьи *Степные хулиганы*. Данная статья рассказывает о казахской женщине Бибиш, которая была жестоко наказана судом аксакалов за подозрения в измене мужу¹⁵. Автор открыто призывает виновников к ответу, не боясь использования экспрессивной лексики («негодяи»).

Вторая статья *Бейгайма боится* подводит итоги первой: «написанное достигло цели»¹⁶. Видя результаты и эффект от

¹⁵ Л. Мартынов, *Степные хулиганы*, «Рабочий путь» от 7 декабря 1926 года, с. 4.

¹⁶ Л. Мартынов, *Бейгайма боится*, «Рабочий путь» от 28 января 1927 года, с. 5.

публикации первой заметки, Мартынов продолжает наделять материал эмоциональной оценкой, отвечающей не только его, но и советским моральным установкам. Особенности восприятия и изложения фактического материала Мартыновым характеризуются, например, с помощью приема синекдохи в статье *Бейгайма боится*: «Декрет, еще декрет — и мы раскрепостили киргизскую женщину. Калым отменен, женщина равноправна — попробуй, не согласишься с этим!», «Степь приняла советский закон», «Степь дика и жестока»¹⁷. В первом примере мы видим частное вместо целого — дважды использовано единственное число вместо множественного, в двух других — целое вместо части, «степь» вместо ее жителей. Таким образом, усиливается экспрессия речи, тексту придается глубокий обобщающий смысл. Почему именно степь — ответ дан в первой статье в части *Степь и город*, показывающей разницу между «киргизами», которые живут в городе по советским законам и по степным, ограничивающим права женщин.

Таково продолжение статьи:

Степь дика и жестока. Странные истории разыгрываются там. Как будто бы сейчас не двадцатый век, но четырнадцатый век и омская крепость еще не выстроена над берегом Иртыша. Вот еще одна картина быта современных дикарей, которых еще много среди киргиз¹⁸.

Использованная автором синекдоха позволяет ему избежать обобщения на основе национального признака и употребить обобщение на основе бытовых традиций: не «киргизы», а «степь». Кроме того, автором упоминаются исторические факты: именно XIV век упомянут в связи с тем, что до XV века территория Омска входила в состав различных кочевых империй — от Западно-Тюрского каганата до Сибирского ханства. Омская крепость, строившаяся от набегов кочевников, преимущественно джунгар, приводится как один из символов отделения городского населения от степного.

Для художественной окраски историй Мартынов также использует прямую речь и настоящее время глаголов в значении прошедшего: «Где моя сестра? — кричит он, — я должен ее увезти!»¹⁹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

В третьей статье *Братья Байбатыровы* рассказывается история очередной жертвы степных законов с заключением от автора: «Мы приветствуем Мариам! Двери нашей редакции открыты для киргизских женщин, — пусть и впредь идут они к нам и делятся с нами своими бедами»²⁰. Также говорится об угрозах Байбатыровых привлечь «клеветников» к ответственности.

Мартынов продолжает публиковать статьи, направленные на борьбу с неравным положением женщин в обществе: «Мы боремся не с личностями, но с обычаем. Жестоким, дикарским степным обычаем избиения, истязания женщин»²¹. Эта статья, названная «Почему ополчились киргизки?», четвертая на данную тему за четыре месяца, стала закономерным результатом размышлений Мартынова об истории с братьями Байбатыровыми. В этой статье, написанной после попыток Байбатыровых опровергнуть обвинения, Мартынов прибегает к саркастическим высказываниям и сравнениям, несущим авторскую оценку: «Почему и Мариам, и Куркима, и посторонняя Бейгама ищут защиты от чистых и невинных, как новорожденные младенчики, братьев Байбатыровых?»²².

Кроме того, прямые следы его журналистской деятельности в сфере урегулирования вопросов быта казахов наблюдаются в художественных произведениях. Именно в статье *Братья Байбатыровы* впервые упоминается имя Увенькай в рассказе героини статьи: «Пять лет назад я хотела бежать от Мукаша с любимым человеком юношей Увенькаем»²³. Данное имя стало почти нарицательным для образов казахов в творчестве Мартынова, появившись впервые в поэме *Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске* (1936 г.), которая принесла автору широкую известность.

В новелле *Круглая звезда Айналайн* примечателен следующий отрывок:

А тогда мое личное знакомство с казахами началось не с какого-нибудь экзотического степного, но одетого и обутого, как и городского мальчика, посаженного волею аллаха на соседнюю со мной парту первого класса 1-й

²⁰ Л. Мартынов, *Братья Байбатыровы*, «Рабочий путь» от 18 февраля 1927 года, с. 5.

²¹ Л. Мартынов, *Почему ополчились киргизки?*, «Рабочий путь» от 27 марта 1927 года, с. 8.

²² Там же.

²³ Л. Мартынов, *Братья Байбатыровы...*, с. 5.

омской гимназии. Это был сын толмача Акмолинского областного правления, очкарик, как выразились бы теперешние ребята, и первый ученик, как тогда назывались отличники. Педагоги ставили нам в пример его старательность и хорошее поведение. Может быть, образ этого мальчика, сына толмача, как-то слегка и отразился впоследствии в моей поэме об Увенькае, воспитаннике школы толмачей в Омске, но во дни нашего совместного ученичества я общался с этим мальчиком мало и не знаю его дальнейшей судьбы...²⁴.

Образ одноклассника — «первого ученика», сына толмача — и образ парня Увенькая из статьи *Братья Байбатыровы* объединились в образе толмача Увенькая, ученика омской школы толмачей.

Очерк *Бунт желтых жен* Мартынова в журнале «Сибирские огни» стал итоговым в публицистике на тему прав казахских женщин через год после изданных ранее статей. В данном объемном очерке автор описывает не только хронологию событий, но и пытается объяснить причины сохранения степных традиций в 20-е гг., а также показывает отклик общественности на данную тему:

Прокуратура вела расследование по первым делам, а письма из аулов все шли и шли. Киргизы вступили в деятельную переписку с редакцией. Писали женщины, писали комсомольцы. Их письма (их хранится у нас не мало) подтверждали правильность фельетонов о братьях Байбатыровых, вскрывали «славное прошлое» высокого степного рода²⁵.

Как считает Мартынов, «мы же выполнили свой долг — пробудили внимание общественности к тем, кто живет за рекой Иртышем в кошемных кибитках, как жили и сто лет назад»²⁶.

Все это определяет роль публицистических заметок Мартынова. Использование художественных приемов в публицистических статьях — синекдохи, метафорической гиперболизации, художественной образности, диалогичности, сравнений, употребление настоящего времени глаголов в значении прошедшего — ярко демонстрирует авторскую оценку и значимость художественной составляющей текстов, а также служит для по-

²⁴ Л. Мартынов, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 3, Художественная литература, Москва 1977, с. 236.

²⁵ Л. Мартынов, *Бунт желтых жен* // «Сибирские огни» ноябрь–декабрь 1927, № 6, с. 157–161.

²⁶ Там же.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ...

этического изображения инационального пространства. Отрывки из автобиографической прозы подчеркивают неравнодушные, подлинное сопереживание, с которым автор воспринял описанные выше истории, находившие отражение на протяжении всего творческого пути Мартынова. Таким образом, своей публицистикой Мартынов оказал значительную помощь казахской и русской общественности в ознакомлении с социально-бытовой, культурной жизнью Казахстана, его природой, историей и индустриальным развитием.

Narkes Orazbajewa

ARTYKUŁY PUBLICYSTYCZNE LEONIDA MARTYNOWA O KAZACHSTANIE

Streszczenie

W niniejszej pracy analizie poddano syntezę wątków dokumentalnych oraz literackich w artykułach prasowych o Kazachstanie autorstwa Leonida Martynowa — rosyjskiego poety tworzącego w pierwszej połowie XX wieku. Reportaże podróżnicze oraz notatki poety odzwierciedlają proces poznawania kazachskiej przestrzeni przez społeczność rosyjską, zwłaszcza w tekstach o budowie linii kolejowej Turksib oraz o sytuacji kazachskich kobiet. W przytoczonych artykułach zaobserwować można ciekawe połączenie chwytów artystycznych i elementów dokumentalnych.

Narkes Orazbayeva

PUBLICISTIC ARTICLES OF LEONID MARTYNOV ABOUT KAZAKHSTAN

Summary

This article analyzes the synthesis of documentary and fiction in newspaper publications by the Russian poet of the first half of the 20th century Leonid Martynov about Kazakhstan. Travel essays and notes of the poet reflect the way of recognition of the Kazakhstani space by Russian community, in particular, in essays on the Turkestan–Siberia Railway opening, and also describe the state of a Kazakh woman in society. The articles under consideration represent an interesting synthesis of fiction and documentary.